

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-646-649

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: jacksos730@gmail.com

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМА «НЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ» ФИКСАЦИИ КОНТАКТОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу коллизии между институтом адвокатской тайны как конституционной гарантии права на квалифицированную юридическую помощь и оперативно-розыскной деятельностью (ОРД), осуществляемой органами, уполномоченными на проведение негласных мероприятий. Особое внимание уделяется проблеме «непроцессуальной» фиксации контактов адвоката с доверителем (аудио-, видеозапись переговоров, наблюдение, контроль сообщений без судебного решения или в обход требований ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Раскрывается актуальность темы в условиях цифровизации коммуникаций и расширения возможностей ОРД. На основе изучения научной литературы и правоприменительной практики выявлены пробелы в законодательстве, позволяющие получать сведения, составляющие адвокатскую тайну, в рамках негласных мероприятий. Цель статьи – обосновать необходимость совершенствования правового регулирования для обеспечения баланса публичных и частных интересов. Методы исследования: диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический. Результаты свидетельствуют о необходимости введения дополнительных гарантий: обязательное участие представителя адвокатской палаты при фиксации, запрет использования результатов ОРД в отношении адвоката без судебного контроля. В заключении предложены конкретные законодательные изменения.

Ключевые слова: адвокатская тайна, оперативно-розыскная деятельность, непроцессуальная фиксация контактов, гарантии независимости адвоката, негласные мероприятия, право на защиту, уголовный процесс.

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,
Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,
Lecturer at the St. Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE AND OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES: THE PROBLEM OF “NON-PROCEDURAL” FIXATION OF CONTACTS

Annotation. *The article analyzes the collision between the institute of attorney-client privilege as a constitutional guarantee of the right to qualified legal assistance and operational-investigative activities (OIA) carried out by authorized bodies through covert measures. Special attention is paid to the problem of “non-procedural” fixation of contacts between the advocate and the client (audio, video recording of negotiations, surveillance, control of messages without a court decision or bypassing the requirements of Art. 8 of the Federal Law “On Advocacy and Advocates in the Russian Federation”). The relevance of the topic in the context of digitalization of communications and expansion of OIA capabilities is revealed. Based on the study of scientific literature and law enforcement practice, gaps in legislation are identified that allow obtaining information constituting attorney-client privilege within covert measures. The purpose of the article is to substantiate the need to improve legal regulation to ensure a balance of public and private interests. Research methods: dialectical, comparative-legal, formal-legal. The results indicate the need to introduce additional guarantees (mandatory participation of an advocate chamber representative during fixation, prohibition on using OIA results against an advocate without judicial control). In conclusion, specific legislative changes are proposed.*

Key words: *attorney-client privilege, operational-investigative activities, non-procedural fixation of contacts, guarantees of advocate independence, covert measures, right to defense, criminal procedure.*

Актуальность темы обусловлена растущим конфликтом между фундаментальным принципом адвокатской тайны, закрепленным в ст. 48 Конституции Российской Федерации и ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и потребностями оперативно-розыскной деятельности в получении информации о противоправных деяниях. В условиях цифровизации общения (мессенджеры, электронная почта, облачные сервисы) и расширения технических возможностей ОРД проблема «непроцессуальной» фиксации контактов адвоката с доверителем приобретает особую остроту. Под «непроцессуальной» фиксацией понимается фиксация сведений (аудио-, видеозапись, наблюдение, контроль сообщений) в рамках негласных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) без судебного решения или в обход специальных гарантий, предусмотренных для защиты адвокатской тайны [1, с. 210].

Степень научной разработанности темы нельзя признать достаточной. Хотя вопросам адвокатской тайны посвящены работы Б.В. Сангаджиева, А.Е. Маслова, Е.В. Лукьянова и других, проблема именно «непроцессуальной» фиксации контактов в контексте ОРД остается малоизученной. А.И. Тамбовцев и Н.В. Павличенко анализируют запрет на содействие адвокатам органам ОРД, а А.И. Тамбовцев исследует негласность как межотраслевой феномен, однако комплексного анализа коллизии с учетом современных вызовов в виде цифровой фиксации – не проведено [2; 5].

Цель статьи – выявить правовые пробелы и предложить пути их устранения. Задачи: раскрыть понятие адвокатской тайны и ее границы; проанализировать методы фиксации в ОРД; исследовать проблематику непроцессуальной фиксации кон-

тактов; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства. Методы: диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический, анализ судебной и правоприменительной практики.

Адвокатская тайна представляет собой абсолютный режим конфиденциальности любых сведений, связанных с оказанием юридической помощи доверителю. Согласно ст. 8 Закона об адвокатуре, к ней относятся факт обращения за помощью, содержание консультаций, переписка, документы и иная информация, полученная адвокатом в ходе профессиональной деятельности. Тайна носит бессрочный характер и распространяется на помощников и стажеров адвоката.

Научная литература подчеркивает конституционно-правовую природу института: адвокатская тайна обеспечивает реализацию права на защиту и является элементом публичного интереса в справедливом правосудии [2, с. 48]. А.И. Платошина отмечает проблемы в цифровой среде, где данные могут быть переданы органам ОРД в рамках хранения операторами связи [4]. Нарушение тайны влечет не только дисциплинарную ответственность адвоката, но и подрывает доверие к институту адвокатуры в целом.

Оперативно-розыскная деятельность (Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») направлена на решение задач предупреждения, выявления и раскрытия преступлений посредством гласных и негласных методов. Ключевыми ОРМ, позволяющими фиксировать контакты, являются: наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых и электронных сообщений, оперативный эксперимент.

Негласность – базовый принцип ОРД, обеспечивающий конспирацию. А.И. Тамбовцев спра-

ведливо указывает, что негласность как межотраслевой феномен проникает и в адвокатскую деятельность, где ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката прямо запрещает адвокатам содействовать органам ОРД [5, с. 165]. Однако на практике это создает коллизию: органы ОРД могут фиксировать контакты адвоката с доверителем в рамках мероприятий, проводимых в отношении последнего, без специального судебного контроля именно за адвокатской тайной.

Центральная проблема заключается в возможности получения сведений, составляющих адвокатскую тайну, путем «непроцессуальной» фиксации. В отличие от следственных действий (ст. 450.1 УПК РФ, требующая судебного решения на обыск адвоката), ОРМ в отношении адвоката формально допускаются только по судебному решению (ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре). Однако на практике фиксация контактов происходит косвенно: при прослушивании телефона доверителя или наблюдении за встречами адвокат автоматически попадает в зону фиксации.

Е.В. Лукьянов отмечает аналогичные нарушения при обысках адвокатских помещений: в 2018 г. зафиксировано 218 незаконных обысков, направленных на обход тайны [3, с. 160]. Аналогичная ситуация с ОРД: результаты фиксации (аудиозаписи переговоров адвоката с клиентом) нередко используются в доказывании без проверки на наличие сведений, составляющих тайну. А.Е. Маслов описывает случаи злоупотребления тайной и, наоборот, ее игнорирования органами ОРД при фиксации [1, с. 209].

В цифровой среде проблема усугубляется: операторы связи обязаны хранить данные и предоставлять их органам ОРД (ФЗ «О связи»). Таким образом, переписка адвоката с доверителем может быть зафиксирована без судебного решения, специально направленного на защиту тайны. Это нарушает баланс, предусмотренный Конституционным Судом РФ в постановлениях, подчеркивающих особый статус адвоката.

Б.В. Сангаджиев справедливо указывает, что использование результатов ОРМ в судопроизводстве возможно только если они не касаются дел доверителей адвоката [2, с. 49]. На практике этот фильтр часто не работает из-за отсутствия механизма обязательной проверки.

Пути решения проблемы и предложения по совершенствованию законодательства наиболее эффективно помогут устранить коллизию.

В первую очередь необходимо внести в Закон об ОРД норму об обязательном участии представителя адвокатской палаты при проведении ОРМ, затрагивающих адвоката (аналогично ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре).

Установить запрет на использование результатов «непроцессуальной» фиксации контактов адвоката в качестве доказательств без предварительного судебного контроля на предмет наличия сведений, составляющих тайну.

Дополнить ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и Закон об адвокатуре механизмом цифровой защиты: обязательное использование защищенных каналов связи.

Ввести уголовную ответственность за умышленное нарушение адвокатской тайны при проведении ОРМ (ст. 294 УК РФ в новой редакции).

Данные предложения согласуются с позицией А.И. Тамбовцева и Н.В. Павличенко о сохранении запрета на содействие адвокатам органам ОРД как необходимой гарантии независимости [6].

Заключение

Институт адвокатской тайны и оперативно-розыскной деятельности (ОРД) действительно находятся в состоянии устойчивой правовой коллизии, наиболее остро проявляющейся в «непроцессуальной» фиксации контактов адвоката с доверителем. Существующие гарантии (судебное решение на проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) именно в отношении адвоката) оказываются недостаточными в условиях негласной природы ОРД и стремительной цифровизации коммуникаций. Предложенные изменения позволят обеспечить реальный баланс интересов государства в раскрытии и предупреждении преступлений и общества в сохранении права на конфиденциальную квалифицированную юридическую помощь. Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирический анализ практики применения предлагаемых норм, включая статистику обжалования результатов ОРМ, затрагивающих адвокатскую тайну, и оценку эффективности предлагаемых фильтров при использовании таких материалов в доказывании.

Особую тревогу вызывает практика косвенной фиксации адвокатских контактов в рамках ОРМ, проводимых в отношении доверителя. Прослушивание телефонных переговоров, контроль электронной переписки или наблюдение за встречами, санкционированные судом по делу клиента, автоматически захватывают содержание общения с адвокатом, составляющее адвокатскую тайну. Такие материалы нередко включаются в доказательственную базу без обязательной предварительной проверки на наличие защищенных сведений, что противоречит правовым позициям Конституционного Суда РФ о недопустимости использования информации, полученной с нарушением конфиденциальности адвокатско-доверительных

отношений. Отсутствие специального механизма «отсева» адвокатской тайны из результатов ОРД приводит к систематическому подрыву доверия к институту защиты и создает риск злоупотреблений, когда негласные мероприятия используются для обхода специальных гарантий ст. 8 Закона об адвокатуре и ст. 450.1 УПК РФ.

Не менее значима проблема в цифровой среде, где объем фиксируемой информации многократно возрос за счет мессенджеров, облачных хранилищ и операторов связи, обязанных хранить и предоставлять трафик по запросам ОРД. В условиях отсутствия детализированных правил применения ОРМ к адвокатским коммуникациям, а также, и в том числе требований к шифрованию или использованию защищенных каналов. Результаты таких мероприятий часто становятся доступны без адекватного судебного фильтра. Эмпирические данные из дисциплинарной практики адвокатских палат за 2023–2025 годы свидетельствуют о росте жалоб на нарушение тайны именно через негласную фиксацию цифровых следов. Это требует не только законодательных поправок, но и выработки единых ведомственных инструкций по оценке и исключению адвокатской тайны из массивов полученных данных, а также усиления прокурорского надзора за соблюдением данного требования на стадии использования результатов ОРД.

В перспективе разрешение указанной коллизии невозможно без межотраслевого подхода: гармонизации норм Закона об ОРД, Закона об адвокатуре и УПК РФ с учетом современных технологических реалий. Необходимы не только дополнительные процессуальные гарантии: участие представителя адвокатской палаты при оценке материалов ОРМ, обязательная мотивированная резолюция суда о допустимости использования фрагментов, не затрагивающих тайну, но и формирование судебной практики, последовательно исключающей доказательства, полученные с нарушением конфиденциальности адвокатских контактов. Только при таком комплексном подходе удастся минимизировать риски подрыва независимости адвокатуры и восстановить баланс между публичным интересом в борьбе с преступностью и конституционным правом на эффективную защиту.

Список литературы:

- [1] Маслов А. Е. Злоупотребление тайной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 207–213.
- [2] Сангаджиев Б. В. Адвокатская тайна и проблемы осуществления судопроизводства по уголовным и гражданским делам // Право и управление. 2022. № 5. С. 45–51.
- [3] Лукьянов Е. В. Особенности производства обыска в отношении адвоката // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2024. Т. 17. № 7. С. 158–163.
- [4] Платошина А. И. Актуальные проблемы института адвокатской тайны // Экономика и социум. 2025.
- [5] Тамбовцев А. И. Негласность как межотраслевой социально-правовой феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 159–172.
- [6] Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Запрет на содействие оперативно-розыскным органам адвокатов: анахронизм или реальная необходимость // Труды Академии управления МВД России. 2022.

References:

- [1] Maslov A. E. Abuse of Secrecy // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1 (52). Pp. 207–213.
- [2] Sangadzhiev B. V. Attorney-client Confidentiality and Problems of Implementing Legal Proceedings in Criminal and Civil Cases // Law and Management. 2022. No. 5. Pp. 45–51.
- [3] Lukyanov E. V. Features of Conducting a Search in Relation to a Lawyer // Gaps in Russian Legislation. Law Journal. 2024. Vol. 17. No. 7. Pp. 158–163.
- [4] Platoshina A. I. Actual Problems of the Institute of Attorney-client Confidentiality // Economy and Society. 2025.
- [5] Tambovtsev A. I. Non-disclosure as an intersectoral socio-legal phenomenon // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (100). Pp. 159–172.
- [6] Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Ban on lawyers assisting operational-search agencies: an anachronism or a real necessity // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022.

